

ПАСЕКА

Парило. С востока надвигались синие грозовые облака и вдали за сопками уже раскатисто гремело. Мы спускались по крутому склону горелой сопки. Старое пожарище заросло иван-чаем и высокой жесткой осокой. В накомарнике было душно, сетка прилипла к разгоряченному лицу и словно нарочно цеплялась за кусты. Я со злостью сорвал с головы накомарник. Мошка тучей набросилась на лицо и кусалась отчаянно. При вдохе несколько штук успевали залететь прямо в дыхательное горло. В такие минуты хотелось кричать и валяться по земле, беспощадно раздавливая ненасытных кровососов.

Ник шел с радиометром, а я геологом. На очередном обнажении – небольшом скальном уступе – я присел на камень записать маршрут. Над головой, словно истребители в воздушном бою, завывали оводы – крупные, наглые и беспощадные, как бандиты с большой дороги. Мне показалось, что один из них сел на мою спину. И вдруг он ужалил меня прямо через энцефалитку между лопаток. Я заорал как от неожиданного удара ножом.

В этот момент Ник, отгоняя овода, нечаянно стегнул веткой лиственницы мне по уху. Я взглядом поблагодарил его за услугу. Он смутился и стал демонстративно осторожно отгонять от меня гнус и оводов, так что можно было спокойно записать маршрут.

Гроза прошла стороной, но по-прежнему было душно. Мы спустились к реке. Вода бурлила на перекате и кружилась в водоворотах за камнями. Ниже по течению шумел водопад. За ним небольшой омут. Темная вода с клочками пены медленно закручивалась спиралью.

На галечной косе мы разделись донага. Над рекой дул прохладный ветерок, отгонявший надоевший гнус. Не отстали только паузы. Я быстро перебил их, когда они, обезумев от вида обнаженных тел, бросились на нас. Оранжевые трупы крупных оводов, на поверхности воды с жадностью расхватывали хариусы. И только один самый умный и осторожный овод гудел в вышине, как вражеский самолет-разведчик в ожидании своего часа.

Мы тщательно вытрясли над водой энцефалитки и брюки. Несмотря на середину лета, клещей было полно, особенно под энцефалитным швом. Взаимный осмотр напоминал заученный ритуальный танец – подмышки, спина, ягодицы, шея. Ник подцепил два клеща, я одного. Но зато кровосос впился в меня глубоко и забрался в такое неудобное место, что к нему было никак не подобраться. Мы, конечно, победили, и я уничтожил клеща, поджарив его на огне спички. Ник, отрицавший насилие в любой форме и над кем угодно, сразу отвернулся.

Мокрые от пота энцефалитки выстирали в холодной воде, насухо отжали и разложили на камнях. Затем искупались в омуте и обсохли на теплом ветру.

Надеть в жару на голое тело влажную прохладную энцефалитку – истинное блаженство. Но, к сожалению, через десять минут пришлось намазать лицо и руки диметилфталатом, мошка ожидала нас в кустах.

Вдоль реки шла вполне приличная тропа, чуть ли не дорога. Во всяком случае, кто-то проехал здесь на мотоцикле с коляской. В одном месте мы обнаружили на берегу пучки водорослей, которые, несомненно, были вытащены из реки бреднем. Среди бурой травы виднелись огромные двустворчатые раковины. В европейских реках они бывают величиной с ладонь, а здесь достигали в длину четверти метра. Мы с Ником тут же взяли по самой большой раковине на память.

На Дальнем Востоке все животные имели какие-то удивительно большие размеры. Бабочки-махаоны – самые крупные бабочки в Союзе, темно-зеленого, темно-фиолетового или темно-синего цвета с металлическим отливом, летали так быстро, что иногда мы принимали их за птиц.

Вдруг Ник заметил мертвую мышь, застрявшую в развилке между двумя веточками лещины. И ежу было ясно, что это работа сорокопуга – небольшой птицы отряда воробьиных, которая делает себе запасы на зиму, накалывая на ветки небольших грызунов. Ник этого не знал и изумленно воскликнул:

– Смотри, мышь повесилась!

На лице Ника было искреннее огорчение. Я охотно рассказал ему, что когда у мышей-полевок кто-нибудь разоряет их нору, то они, понимая, что зимой без запасов все равно не выжить, не выдерживают такого позора и вешаются на ближайшем суку. Ник так расчувствовался, что даже записал что-то в черную тетрадку – наверное, у него мелькнул сюжет нового «страдательного» стихотворения.

Неожиданно мы вышли на поляну. Посередине на двух коренных столбах был устроен добротный лабаз. Дальше, у подножия сопки уютился аккуратный бревенчатый домик. На пологом склоне горы виднелись ряды пчелиных ульев. Это был кордон лесника.

Громким лаем нас встретили две большие черные собаки, похожие на лохматых медведей. Когда они бежали к нам, черная блестящая шерсть колыхалась на них плавными волнами. Наш Бам, по сравнению с ними, смотрелся бы как щенок. Псы были совершенно одинаковые, как братья-близнецы.

На крыльцо вышел лесник – плечистый бородатый мужчина лет шестидесяти и прикрикнул на собак. Они еще пару раз тявкнули для порядка и тут же дружелюбно завилили пушистыми хвостами, словно маленькие щенки. По всему было видно, что людей они любили и, скорее всего, видели от них только хорошее. А лаяли для порядка, чтобы предупредить хозяина. Собаки были похожи на очень крупных лаек: на большой голове торчком стояли маленькие подвижные треугольные уши; шея, заросшая густой длинной шерстью, казалась непомерно толстой; на широкую грудь поместилась бы сотня медалей; мощные лапы украшали лохматые «штаны», из-за которых собаки были похожи на медвежат.

– Геологи! – воскликнул хозяин, заметив наши молотки. – Гости дорогие! Сидайте за стол под вишню. В хату не приглашаю, там жарко и мухи. Хозяйка! – крикнул он в дверь. – Давай угощение, гости пришли.

Хозяин ушел в дом, а собаки подошли к нам познакомиться. Таких потрясающе красивых псов я еще не видел. Ник достал два куска сахара и предложил собакам, но они даже не посмотрели на лакомство и, одновременно раскрыв красные пасти, засмеялись.

Из дома вышла красивая женщина лет тридцати пяти с большой деревянной миской в руках и направилась к нам. За ней лесник с караваем белого хлеба.

Мы вежливо поздоровались. Я подумал, что это дочь лесника.

– Это моя хозяйка такая молодая, – засмеялся лесник, обнимая жену, – что хороша?

Женщина приветливо улыбнулась и поставила на стол миску с пахучим янтарным медом. Собаки тактично отошли в сторону и уселись рядышком бок о бок. Лесник наломал кусками белый пшеничный хлеб.

– Кушайте, хлопцы, на здоровье, – предложил он и показал, как надо есть, макнув кусочек хлеба в тягучий мед, – мед с пасеки, а хлеб горячий – хозяйка моя недавно испекла.

Мы принялись за угощение. Было так вкусно, что от удовольствия хотелось рычать. Лесник достал кисет и угостил нас самосадам, а мы его болгарскими сигаретами. От забористой махорки перехватывало дыхание.

Тут лесник заметил, что на бревне лежат два куска сахара, и засмеялся, догадавшись, что мы угощали собак.

– Они же не знают, что такое сахар, никогда не пробовали. Я этих братьев щенками взял, медом да молоком выкармливал.

– Красивые у вас собаки, – польстил я хозяину, – какая это порода?

– Сучка с медведем согрешила – вот и вся порода, – махнул рукой лесник.

– С точки зрения генетики это совершенно невозможно, – заметил всезнающий Ник.

– Как же, невозможно, смотрите, что получилось, – усмехнулся лесник, – а по-честному, и сам не знаю, какая это порода. Мать у них крупная ездовая лайка, а в кого щенки такие акселераты вымахали, не известно. Возил я их недавно в город на выставку. Уж больно они красивые, пускай, думаю, люди полубоятся. Все интересовались, охотничьи или декоративные это собаки? Ну, я им и рассказал, что когда в обходе был, на просеку медведь-пестун выскочил, и если бы я кобелей не унял, так они задавили бы мишку.

Псы сидели рядышком перед нами и улыбались, раскрыв красные рты и часто дыша. Им было жарко.

– Ну-ка, купаться, живо! – приказал лесник.

Собаки бросились в холодную бурлящую воду реки. Они плавали и даже ныряли. Выбравшись на берег, псы подбежали к нам и как следует отряхнулись, разбрызгивая капли во все стороны. Нам снова стало прохладно.

– Это они специально хулиганят, – заметил лесник, – шалуны, молодые еще. Ну, а вы чего здесь ищите?

– Уран.

– Неужели он здесь есть?

– Он везде есть, только где больше, а где меньше.

– А здесь сколько?

– А здесь, серединка на половинку. Вот, видите, что прибор показывает, – Ник постучал пальцем по стеклу амперметра радиометра.

– Он что же, прямо уран измеряет? – удивился лесник.

– Если точно, он измеряет суммарное гамма-поле от всех радиоактивных изотопов, а также космических лучей, – с видом профессора пояснил Ник.

– Я тоже образование имею – окончил железнодорожный техникум, – похвастался лесник, – но после аварии в тоннеле стал инвалидом, а потом и лесником. А младший сын у меня астроном, в Новосибирске работает в Академгородке. У нас на чердаке даже телескоп небольшой есть. Когда он учился, так я все его книги перечитал. Особенно зимой, как запуржит, так я сяду с книгой у печки и читаю про космос, про звезды, про атомы.

Лесник разговорился. Я всегда не прочь послушать рассказы бывалых людей. А Ник, прямо как Вени Пух в гостях у Братца Кролика – наелся меду и нетерпеливо вертелся на бревне, всем своим видом показывая, что нам пора идти дальше. Я выразительно глянул на Ника, и он сразу все понял и успокоился.

Хозяин скрутил себе козью ножку и с удовольствием закурил. Его самокрутка источала приятный аромат махорочного дыма.

– Пожар здесь был шесть лет назад, молнией тайгу подожгло, – стал рассказывать лесник, – весь кедрач сгорел, а дом чудом уцелел. На другой год пожарище заросло иван-чаем. Вот я и решил пчел завести. Сын прислал мне книгу по пчеловодству, и я построил улей. И вдруг рой ко мне сам из тайги прилетел – как по заказу. Матка прикрепилась в сенях под полом, а пчелы вокруг нее гроздьями повисли. Решил я пересадить рой в новый улей. Открыл крышку подпола и свесился в люк головой вниз. Под рой таз подставил, чтобы пчел в него стряхнуть. Стал рукавицу одевать, а в нее уже четыре пчелы успели заползти. И как они меня разом ужали, так я от неожиданности дернулся и рухнул в подпол головой вниз. Вот тут пчелы мне и показали почем фунт меда. Лицо от укусов раздуло как подушку. Но зараз мы с пчелами подружились. Медосбор здесь огромный. За один только прошлый год столько денег за мед выручил, что младшему сыну «Москвича» купил.

Ник попросил воды.

– А может, по стакану медовухи дернете? – подмигнул нам хозяин.

Лично я не стал бы обижать человека отказом, но Ник категорически отверг угощение. Он считал, что употребление алкоголя во время маршрута такое же преступление, как и управление автотранспортом в нетрезвом состоянии.

– Тогда квас пейте, – лесник сходил в погреб и принес кувшин с медовым квасом.

Собаки улыбались и дружелюбно смотрели на меня. Я уже давно заметил, что очень нравлюсь животным. Особенно меня любили осы.

– В позапрошлом году, по весне, мой пес Буран погиб на реке в ледоход, а Чук с Геком, – лесник кивнул в сторону псов, – щенками были и мамку сосали. Отогнал я тогда первый весенний мед. Запах от него на всю округу. Ну, медведь его и учуял. Голодно ему было с зимы. Вот и решил он медом полакомиться. Бочонок с медом в сенях на лавке стоял. А из сеней у меня вход в туалет сделан. Так мишка ночью разобрал доски у выгребной ямы, схватился лапами за балку и голову в дырку туалета снизу просунул. Конечно, влезла только башка, плечи не прошли. А ему никак не сообразить – одурел от запаха меда. Дернулся мишка, задние ноги у него оторвались от земли, и он повис на передних лапах, уцепившись за балку, а голова в дырке торчит. Висит, качается и молчит.

Я-то глуховат, а жинка моя шум услышала и вышла посмотреть, в чем дело. В сенях все тихо, спокойно. Зашла в туалет. Свет, понятно, не зажгла. Мы к темноте привыкшие и всегда ощупью дома ориентируемся. Хотела она сесть на очко, да чувствует щекотно. Спичку зажгла, а из дырки медвежья морда торчит и на нее смотрит.

Жинка как заорет – и ко мне. В туалете, говорит, медвежья башка из очка торчит. Я сначала ей не поверил, думал, приснилось бабе. Но потом смотрю действительно медведь. Я за ружьем. Тут мишка не удержался, сорвался с бруса, и полетел в выгребную яму. Выскочил оттуда и деру в тайгу. Я все-таки пальнул пару раз в воздух для острастки.

Я живо представил себе, как бедный медведь весь в дерьме бежал по лесу и думал: «Вот и попробовал медку... черт вас всех побери!»

Хорошее всегда слишком быстро кончается, надо было продолжать маршрут. Мы стали прощаться, и я подарил леснику накомарник. Чук с Геком дали подержать нам свои мокрые лапы.